

УДК 330

МЕЗОЭКОНОМИКА... ТЕПЕРЬ РАЗВИТИЯ (заметки на полях книги «Мезоэкономика развития»)

А.Н. Демьяненко

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Иной раз трудно бывает определиться с жанром: объект исследования – коллективная монография «Мезоэкономика развития» [12] – настолько многогранен и необычен, что найдется немного столь же профессионально разносторонних специалистов, чтобы подготовить полноценную рецензию (просьба не путать рецензию с панегириками или расширенной аннотацией, к которой прилагается «содержание» рецензируемой работы). К тому же есть еще одно привходящее обстоятельство: «Мезоэкономика развития» – это вторая книга (первая см.: [11]), посвященная мезоэкономике, которая подготовлена коллективом авторов Центрального экономико-математического института РАН (не одним и тем же составом). Это обстоятельство предполагает сравнения, так как в противном случае трудно понять направление движения, а следовательно, и современное состояние той части экономической науки, которое авторы обеих книг обозначают как «мезоэкономика».

По изложенным выше причинам автор обозначил свою работу нейтральным понятием «заметки на полях». Но прежде чем перейти к рассмотрению содержания, предельно кратко о том, что представляет собой жанровая принадлежность книги.

И здесь уместно вспомнить рецензию Б.З. Мильнера на «Мезоэкономiku переходного периода...», в которой есть такие слова: «Рецензируемую книгу... можно отнести к трем различным жанрам экономической литературы» [13, с. 151]. Эта многожанровость сохранилась и в «Мезоэкономике разви-

© Демьяненко А.Н., 2013
Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-02-00011а, проекта ДВО РАН № 12-1-П31-03.

тия», материалы которой можно отнести к жанру и экономических хроник, и теоретических изданий, и «прескриптивной» экономической литературы (так как в монографии есть много рекомендаций).

Что же касается структуры монографии, то в ней есть практически все, что должна содержать структура академического издания¹: введение и заключение, библиография и, конечно, логически выверенный под цели исследования текст, организованный в девять глав. При этом введение и первая глава – «Российская мезоэкономика: системный подход» – имеют непосредственное отношение к теоретическому и методологическому основанию исследовательской программы, тогда как остальные восемь глав – обобщение результатов исследования либо отраслевых рынков, либо тех или иных тенденций, которые имели место в российской экономике в посткризисный период. Хотя справедливости ради следует отметить, что нередко в главах 2–9 читатель может найти и вполне законченные теоретические суждения относительно тех или иных экономических явлений.

Автора этих заметок интересовали в рамках столь обширного по набору тем монографического исследования лишь те из них, которые имели непосредственное отношение к теоретическим основаниям мезоэкономики и к результатам исследования той ее части, которую можно обозначить как «региональная мезоэкономика».

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ МЕЗОЭКОНОМИКИ

Во введении Г.Б. Клейнер фиксирует внимание читателей на том, что есть развитие экономики, затем переходит к обоснованию предпочтительности эволюционного типа общественного развития и формулирует условия, в соответствии с которыми социально-экономическое и технологическое развитие системы может быть отнесено к эволюционному типу.

Далее Г.Б. Клейнер высказывает мнение, что «в первую очередь следует обеспечить развитие тех экономических систем, которые занимают в экономическом пространстве промежуточное место между макро- и микроэкономическими уровнями и относятся к уровню экономики, который именуется *мезоэкономикой*» [12, с. 7].

Не будем придираться к «экономическому пространству», хотя так и хочется спросить: как эти уровни экономического пространства соотносятся с двумя уровнями экономического анализа: макро- и микро?

¹ Почему практически все, а не просто – все? По единственной причине: в монографии отсутствуют указатели, что с учетом значительного объема книги и многоаспектности ее содержания создает определенные трудности у читателя.

И хотя далее следует пояснение: «...понятие «мезоэкономика» имеет два значения. С одной стороны, оно отражает предметную область исследований – часть народного хозяйства, расположенную в экономическом пространстве между макро- и микроуровнями. В этой сфере находятся отрасли, рынки, регионы, крупные межотраслевые экономические комплексы, совокупности предприятий, сгруппированных по иным признакам. С другой стороны, мезоэкономика – это научная дисциплина, изучающая данную предметную область и обладающая специфическими подходами, методологией и инструментарием» [12, с.7], тем не менее вопрос остается открытым.

Обратимся к другим публикациям, имеющим непосредственное отношение к мезоэкономической проблематике. Есть основания считать, что имеет место зарождение «мезоэкономической теории», ибо «преодоление ограниченности макро- и микроэкономического анализа все чаще связывают также [помимо институционализма. – А.Д.] с утверждением теории национальной экономики. ...Новая дисциплина ...рассматривается в качестве методологической основы эффективной экономической политики государства ...аналогичные ожидания сопровождают и становление мезоэкономической теории» [5, с. 71]¹.

Итак, в 2002 г. есть «ожидания», в 2003 г. выясняется, что «для создания целостной и внутренне мобильной экономики в России недостаточно принимать во внимание только два уровня экономики – макро- и микроуровень. Необходимо перейти от бинарной модели экономики к тернарной, включающей промежуточный, мезоэкономический уровень» [8, с. 15]. Тогда как в 2008 г. в статье Л.С. Шеховцевой находим, что «стала формироваться теория мезоэкономики переходного периода, в которой обосновывается важная роль влияния на рынок сетевых структур, партнерских отношений, стратегических альянсов как совокупностей экономических субъектов (в том числе и региональных) с точки зрения парных и групповых взаимосвязей» [19, с. 34]. Логическим завершением этой эволюции и стала мезоэкономика как самостоятельная экономическая дисциплина в 2011 г. Итак, во-первых, мезоэкономика овладела умами отечественных экономистов, во-вторых, она эволюционирует.

Рассмотрим, каковы основания для появления наряду с микро- и макро-анализом анализа «мезо-». Основания двух видов – это, во-первых, ссылка на работы У.-К. Ng и, во-вторых, ссылка на российский опыт: первоначально «десятилетия реформ», а затем и «нулевого десятилетия». Предметно рассуждать о работах У.-К. Ng нет возможности, так как они не известны автору

¹ Практически теми же словами это положение сформулировано в рассматриваемой монографии [12, с. 17]. В этой связи невольно возникает вопрос: за прошедшее десятилетие ожидания оправдались, и если – да, то в какой мере? Увы, ответа нет.

этих строк, но тот факт, что упоминания о них и о «mesoeconomics» отсутствуют в доступных нам сводках по теории и методологии экономической науки, несколько настораживает.

В обеих книгах [11; 12] имеет место выделение трех этапов формирования новой экономики в России. Первый этап (конец 1980-х – середина 1990-х гг.) – демонтаж хозяйственного механизма централизованно управляемой экономики. «...После первого этапа преобразований можно было констатировать образование значимого разрыва между макро- и микроэкономическими уровнями экономики» [12, с. 8]. Второй этап (середина 1990-х – начало 2000-х гг.) – стабилизация экономического функционирования. «При этом в качестве средств решения этой задачи использовались чисто макроэкономические, не имеющие иерархического характера средства («макроэкономический этап»)» [12, с. 8]. Основное содержание третьего этапа (начало 2000-х гг. и по настоящее время) «оказалось более тесно связанным с микроуровнем («микроэкономический этап»). В качестве основной целевой функции здесь выступало корпоративное управление, поведение институциональных и индивидуальных инвесторов и менеджеров предприятий, другие проблемы микроуровня как в производственной, так и в муниципальной сфере» [12, с. 8].

И хотя этот этап, по мнению Г.Б. Клейнера, нельзя считать завершенным, тем не менее «необходим качественно новый набор целей... основной целевой сферой нового этапа движения российской экономики должна стать мезоэкономика. Можно выделить четыре основные составляющие мезоэкономики как предметной области:

1) *отраслевую* мезоэкономику, к которой относятся отрасли и подотрасли народного хозяйства;

2) *межотраслевую* мезоэкономику, включающую межотраслевые вертикальные комплексы, устойчивые надотраслевые комплексы типа АПК или ВПК;

3) *региональную* мезоэкономику, к которой относятся регионы, другие территориальные группы предприятий и организаций;

4) *межрегиональную* мезоэкономику, базирующуюся на территориальных социально-экономических образованиях» [12, с. 9–10].

Здесь следует сделать паузу и попытаться понять, что есть мезоэкономика как объект экономического анализа. Оказывается это отрасли народного хозяйства и регионы, т. е., в конечном счете, национальная экономика в двух ее ипостасях: отраслевой и территориальной. Оставим определенную терминологическую невнятность («территориальные группы предприятий и организаций» и «территориальные социально-экономические образования») и перейдем к рассмотрению характерных черт мезоэкономических систем, к числу которых Г.Б. Клейнером отнесены:

- наличие в их составе самостоятельных объектов;
- отсутствие как императивных рыночных, так и жестко административных связей между объектами;
- наличие сложного комплекса отношений между объектами, включающего элементы конкуренции, кооперации, координации и коэволюции (согласованного развития);
- отсутствие единого «центра управления» [12, с. 10].

Как ни вчитывайся в этот перечень, в сухом остатке остается немного, а именно:

- есть «самостоятельные объекты» (фирмы, институты или что-то еще?);
- между объектами существует сложный комплекс отношений (хочется понять: по поводу чего возникают эти сложные отношения?);
- но при этом есть еще отсутствие связей (хотя на самом деле связи все-таки есть, но они не очень рыночные и не совсем административные одновременно);
- нет единого центра управления (что в неявном виде предполагает наличие двух и более центров управления, ибо без таковых экономических систем не бывает или все-таки бывает?).

Можно чего-то не понимать в отношении характерных черт мезоэкономических систем, но отказать в логике самой исследовательской программе нельзя. Ибо за описанием мезоэкономических систем следует формулировка основной цели исследования – «...создание методологического аппарата и методических подходов к анализу и синтезу мезоэкономических систем с учетом «генетических» особенностей отечественной экономики и специфики задач посткризисного модернизационного периода ее развития» [12, с. 10]¹. При этом «авторы старались по возможности придать исследованию стратегический характер, поэтому в центре внимания находятся не столько злободневные проблемы, возникшие в мезоэкономике в результате мирового кризиса конца 2000-х годов, сколько фундаментальные вопросы стратегического развития отечественной экономики» [12, с. 11].

По большей части вопросы, имеющие теоретический и методологический характер, как отмечалось выше, рассмотрены в первой главе «Российская мезоэкономика: системный подход», состоящей из пяти параграфов.

Первый из этих параграфов (автор Г.Б. Клейнер) посвящен определению места мезоэкономики в системе экономических наук и начинается (не тек-

¹ Правда, в заключении цель формулируется несколько иначе: «Цель подготовки данной монографии состояла в том, чтобы показать взаимозависимость и взаимовлияние этих тенденций [т. е. тенденций развития конкретных отраслей, рынков, корпоративных структур, территориальных образований в посткризисный период. – А.Д.] в рамках единого экономического пространства – промежуточного между макро- и микроэкономикой уровня» [12, с. 777].

стуально, а в содержательном плане) с утверждения: «...дихотомическое деление всей экономической науки на эти две дисциплины [макрэкономика и микроэкономика. — А.Д.] не отвечает потребностям ни регулирования и управления, ни организации экономических исследований, ни статистики, ни преподавания, ни аттестации научных кадров, ни библиотечного дела» [12, с. 14]. Не будучи профессиональным экономистом, автор заметок всегда представлял, что вся экономическая наука не делится на две дисциплины, а имеет намного более сложную структуру.

Рискуя показаться ретроградом, автор посчитал уместным привести здесь мнение классика: «...бессмысленное разделение между экономической наукой (ECONOMICS) и тем, что сейчас называется «экономической теорией фирмы». Мы не разделяем эти две дисциплины и считаем, что в предмет экономической науки, как мы ее понимаем, входят все факты и инструменты анализа, относящиеся как к поведению правительства, так и к поведению отдельных фирм» [22, с. 26].

Означает ли это, что наличие разрыва между макро- и микроэкономикой, о котором уже немало сказано и написано, предполагает в качестве средства его преодоления мезоэкономику, это большой вопрос. Во всяком случае, в доступных автору работах ни один из авторитетных исследователей так вопрос не ставил.

Это касается и тех, кто в 1960-х гг., как К. Эрроу, называл «большим скандалом» то, что неоклассическая теория цены не может объяснить такой макроэкономический феномен, как безработица, и тех, кто в 1970-х гг. вслед за Р. Лукасом и Т. Сарджентом утверждал, что кейнсианская макроэкономическая теория обладает «фундаментальным изъяном» — отсутствием прочных микрооснований [18].

Наконец, ни слова о заполнении упомянутого выше разрыва посредством мезоэкономической теории нет и в таком авторитетном компендиуме, как двухтомная «Панорама экономической мысли в конце XX века». Более того, там находим следующее: «В силу ограниченности места мы не могли осветить все аспекты посткейнсианской макроэкономики... Тем не менее мы надеемся, что нам удалось описать солидный макроэкономический фундамент посткейнсианской макроэкономики, которая представляет собой прочную основу для анализа хозяйств развитых индустриальных стран» [15, с. 243]¹.

Конечно, на все вышеприведенное можно ответить: у нас своя экономическая теория, и «западные» экономические теории нам не подходят в силу

¹ Малькольм Соейр приводит библиографию, состоящую почти из сотни источников [15], но найти среди этого списка работы по мезоэкономике, которая «активно развивается во всем мире» [12, с. 7], в том числе и ее основоположника У.-К. Ng, нам не удалось. Конечно, это не самый сильный аргумент, но все-таки...

российской специфики. Пока оставим этот вопрос открытым. После того, как выяснилось, что и микро- и макроанализ не вполне адекватны для анализа российской экономики и поэтому следует взяться за конструирование мезоэкономики, вовсе не следует, как того можно было ожидать, исследование причин ограниченности (если таковые все-таки есть) традиционного инструментария экономического анализа применительно к российской экономике. Вместо этого Г.Б. Клейнер предлагает подход, его назовем «классификационным», в результате применения которого «...мы получаем такую последовательность: мегаэкономика (мировая экономика), макроэкономика (страновая экономика); мезоэкономика (отраслевая, региональная и групповая экономика); микроэкономика (экономика предприятия); наноэкономика (экономическое поведение индивида). Такова в общих чертах объектная структура экономики» [12, с. 15]. Как известно, классифицировать можно все что угодно, но при этом существуют определенные правила, в частности, желательно выдерживать классификационный признак на всех классификационных уровнях.

В приведенной классификации, как в некоторых других, ей подобных, происходит смешение многих критериев. В частности, доминирующий признак, который не обозначен явно: размер экономической системы. Но он нарушается уже в силу того, что в последовательности мир — страна — регион должны следовать локалитет, местоположение, населенный пункт и т. п., но только не предприятие (кстати, а куда делась фирма?). Впрочем, и появление индивида вслед за предприятием вызывает большие сомнения. Более логичным выглядит появление структурного подразделения предприятия (цеха, отдела и т. п.). Другое дело: есть ли в этом необходимость?

К сомнениям мы вернемся ниже, а сейчас зафиксируем, для чего нужна эта многоуровневая классификация: «...каждому из видов структуризации системы отвечают свой подход к ее изучению и своя научная дисциплина. ...Организация структуризации страновой экономики может быть осуществлена по-разному. Наиболее распространено деление экономики страны на регионы, отрасли и комплексы. Взаимодействие, функционирование и развитие этих образований составляет предмет мезоэкономики» [12, с. 16]¹. Так и хочется воскликнуть: а где место для экономической теории или эконометрики, политической экономии или экономической истории и пр., и пр.? Но классифицировать можно все что угодно и под какие угодно цели, т. е. «по-разному». Здесь цель ясна — место для мезоэкономики найдено.

¹ Интересно, а если встать на точку зрения нобелевского лауреата Г. Беккера, которую разделяют немало авторитетных экономистов-теоретиков, согласно которой «...экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей общественности не предметом, а своим подходом» [1, с. 26]?

А теперь несколько слов относительно сомнений, возникших при знакомстве с классификацией. Начнем с размера, как классифицирующего признака. Дело в том, что иные региональные экономики (т. е. мезоуровень) по своим масштабам очень превышают страновые, а если к этому добавить, что есть экономические регионы, которые не вписываются в государственные границы? Как быть с ними?

Второй параграф первой главы – «Мезоэкономический анализ и теория национальной экономики» (автор В.Е. Дементьев) – начинается своеобразным методологическим введением. В частности, выдвигается теза: «Целесообразна корректировка методологической схемы анализа современной национальной экономики, выделение в этой схеме (а) процесса воспроизводства (становления – для стран с переходной экономикой) под влиянием внутренних и внешних обстоятельств некоторого типа (модели) рыночной экономики; (б) процесса развития своеобразных черт соответствующей модели в конкретной стране». А так как крупные (мезоэкономические) хозяйственные структуры играют существенную роль в означенных выше процессах, то «именно по мезоэкономическим характеристикам обычно происходит разграничение моделей рыночной экономики». Отсюда следует вывод: «Соответственно мезоэкономическая теория предстает, прежде всего, в качестве научного описания процесса воспроизводства (становления) этих моделей» [12, с. 20].

Следовательно, есть все-таки мезоэкономическая теория, тогда почему коллектив авторов скрывает эту теорию? Было бы очень интересно понять, как она соотносится не только с теорией национальной экономики, но и с другими теоретическими моделями и методологическими подходами.

Но В.Е. Дементьев предлагает другую логику (и это его неоспоримое право, которое автор этих строк принимает безоговорочно): он переходит к рассмотрению мезоэкономических оснований типологии рыночных моделей и их сравнительному анализу, для того чтобы определить для российской экономики, в качестве наиболее эффективной, банковско-ориентированную модель. В рамках этой логики, помимо уже упомянутого итогового утверждения, есть немало интересных, хотя и спорных (а как иначе) идей и гипотез.

В частности, представляет интерес положение, согласно которому «принципиальную специфику мезоэкономике по отношению к микро- и макроэкономике можно представить как отход экономической теории от обезличенности экономических объектов» [12, с. 21]. Правда, здесь возникает вопрос: а возможно ли в принципе в рамках экономической теории строить модели объяснения тех или иных процессов, не прибегая к абстрагированию, т. е. и к «обезличенности» в том числе?

Крайне сложно согласиться с тем, что «конкуренция» и «внутрифирменное администрирование» относятся к сфере обезличенной регламентации, а «толлинг, бартер, совместная деятельность и др.» относятся к той сфере, где обезличенность отсутствует.

Излишне оптимистичным следует признать следующий тезис: «именно мезоэкономический анализ закладывает основы экономической теории постиндустриального общества» [12, с. 23]. Неужели так все плохо в экономической теории, что без «мезоэкономического анализа» никак не заложить основы экономической теории постиндустриального общества?

Автор следующего параграфа – «Основные проблемы российской мезоэкономики» – Г.Б. Клейнер¹, не останавливаясь на экономической теории постиндустриального общества, переходит к анализу структурных проблем экономики России.

Интересны и обоснованны результаты структурного анализа. В частности, заслуживает пристального внимания положение о том, что «главной структурной чертой постпереходной российской экономики является ее *фрагментарность*, т. е. распадение на отдельные, слабо связанные фрагменты» [12, с. 33]. Причем отмечается, и не без основания, что «какой бы ни взять срез экономики... всюду можно заметить значительную разницу в темпах и качестве роста, а местами и спада. Нарушена и сбалансированность между отдельными подсистемами народного хозяйства...» [12, с. 33].

Диагноз поставлен. Осталось дело за выяснением причин и методов лечения. Что касается причин, то, судя по всему, Г.Б. Клейнер посчитал, что здесь все ясно, и ограничился кратким, но важным замечанием: «Фрагментарность экономики дополняет и питает фрагментарность социума... Эта фрагментарность экономики – основное препятствие для экономического роста. ...Устойчивый экономический рост, в отличие от экономического спада, – свойство целостных и сбалансированных систем. Мезоэкономический подход ориентирован именно на такой тип анализа экономической динамики» [12, с. 33]².

Оставим на время «мезоэкономический подход», к нему вернемся ниже. Сейчас попробуем понять, почему фрагментация, т. е. обособление отдельных элементов (и подсистем) национальной экономической системы, является препятствием ее экономического роста.

¹ Он же автор и остальных параграфов первой главы, за исключением параграфа 1.5. «Об эффективности мезоэкономических систем», написанного в соавторстве с С.А. Смоляком.

² Справедливости ради отметим, что такой же точки зрения придерживаются и другие исследователи современных проблем российской экономики. Так, а работе Л.С. Маркова и М.А. Ягольнищера мы находим нижеследующее: «Наблюдаемая ныне фрагментация российской экономики служит основным препятствием экономического роста, поскольку сам процесс экономического роста является свойством целостных и сбалансированных систем» [10, с. 18].

По мнению Г.Б. Клейнера, «стратифицированная [наверное, в данном случае, более точно: фрагментированная. — *А.Д.*] по многим направлениям экономика является неустойчивой, поскольку неблагоприятные изменения внешних условий в том или ином секторе не могут быть компенсированы за счет ресурсов других секторов. Точно так же рост в одном из анклавных фрагментов (...) не может эффективно распространяться на другие отрасли экономики» [12, с. 33].

Однако ни в неоклассической модели роста (начиная с работ Р. Солоу середины 1950-х гг.), ни в «новой теории роста», берущей свое начало с работ П. Ромера и Р. Лукаса, фрагментация не рассматривается ни в качестве условия, ни в качестве ограничения [16].

Если оставить упомянутые выше теории как неадекватные по тем или иным причинам для объяснения экономического роста в российской экономике и принять в качестве гипотезы, что фрагментация есть основное препятствие экономического роста (кстати, а какие еще есть причины помимо фрагментации?), то и в этом случае можно обнаружить определенные погрешности логики. В частности, если согласиться с тем, что рост в анклавном фрагменте не может эффективно распространяться на другие отрасли, то придется признать, что и спад в анклавном фрагменте не должен повлиять на другие сектора.

Далее, и это уже принципиально: что есть внешняя среда по отношению к тому или иному сектору национальной экономики? Только другие сектора национальной экономики? В условиях глобализации — это очень сильное допущение. И, следовательно, анклавный фрагмент очень может быть частью не столько национальной экономики, сколько мировой.

Однако продолжим вслед за Г.Б. Клейнером выявление специфических черт российской «фрагментированной экономики», к числу которых им был отнесен «низкий уровень взаимного доверия агентов и вытекающая отсюда несклонность к долговременным инвестициям» [12, с. 34]. Очень сильное допущение. Ибо если уровень доверия действительно низок, то о каких сетевых структурах тогда можно говорить? Следовательно, низкий уровень доверия экономических агентов имеет место, но в отдельных секторах экономики и в пределах тех или иных территориальных образований этот уровень, тем не менее, достаточно высок.

Далее следует еще одно очень жесткое по форме утверждение: «Концепция «точек роста», или «полюсов роста», как локомотивов экономической динамики, непригодна для фрагментированной экономики» [12, с. 34]. К сожалению, никаких аргументов в пользу справедливости этого утверждения не приводится. Но то, что известно о многочисленных концепциях поляризованного развития, берущих свое начало с классических работ Ф. Перру, во-

все не свидетельствует о том, что эти концепции противопоказаны российской экономической науке и российской экономике [14, с. 34].

Наконец, следуя за Г.Б. Клейнером, доходим до того пункта исследования, где завершается процесс постановки диагноза и начинается разработка методов лечения. Итак, что нужно делать? Оказывается, что «предметами рассмотрения и регулирования в мезоэкономике являются совокупности предприятий и организаций, демонстрирующих одновременно поведение *группы* объектов и *группового* объекта. К числу таких объектов относятся финансово-промышленные группы; предприятия, находящиеся в одном городе, районе; производители, оперирующие на одном рынке; сетевые структуры, связанные устойчивыми финансово-экономическими отношениями; крупные вертикально интегрированные компании и комплексы и т. д.» [12, с. 35].

Далее выясняется, что имеет место специфика не только предмета мезоэкономики, но и специфика ее подхода к анализу экономических явлений. И специфика эта заключается в том, что мезоэкономический анализ «...по сравнению с микроэкономическим является также отказ от обезличенного восприятия объектов как своеобразных одинаковых песчинок или простейших организмов, демонстрирующих примитивные реакции на изменение внешней среды (для микроэкономического подхода такими являются изменения цен на продукцию и/или сырье, рабочую силу, колебания спроса, динамика конкуренции на избранном рынке). Все эти изменения оказывают, конечно, воздействие и на мезоэкономические структуры, но на разные структуры по-разному» [12, с. 36].

Бог с ними, с песчинками, а заодно и с простейшими организмами (которые по определению много сложнее песчинок), но утверждать, что экономические агенты (у Г.Б. Клейнера это объекты) демонстрируют примитивные реакции на изменения внешней среды, это, как минимум, не совсем корректная оценка исследовательских усилий не одного поколения экономистов-теоретиков. Или, может быть, это просто эмоциональный выброс, имеющий целью подчеркнуть важность и сложность мезоэкономического анализа?

Далее, отметив, что «ортодоксальная экономическая теория (mainstream) считает конкуренцию, по сути, необходимым и достаточным условием эффективного функционирования рынка» [12, с. 36], Г.Б. Клейнер приходит к заключению, что существует еще семь иных видов отношений между хозяйствующими субъектами. А так как конкуренция «занимает в таблице одну строчку из восьми, соответственно ее роль должна быть адекватна ее месту в спектре возможных взаимоотношений между субъектами и не должна искусственно преувеличиваться» [12, с. 39]. Добавить тут можно только одно: не

стоит преуменьшать роль конкуренции, которая наряду с фирмой является основным механизмом координации экономической деятельности¹.

Если оставить терминологические новации, то в итоге имеем перечень мезоэкономических институтов, которые «должны быть созданы совместными усилиями федеральных и региональных структур, а также собственников и руководителей корпораций и предприятий» [12, с. 40], в количестве 11 штук. В этом перечне есть все или почти все: профессиональные отраслевые объединения и центры занятости, альянсы двух типов и региональные фондовые рынки, а еще отраслевые журналы и издательства и пр.

Следующий параграф — «Системная мезоэкономика» — начинается с исторического экскурса, позволяющего читателю понять, какие требования предъявлялись к экономике на разных этапах ее развития. В конечном счете, Г.Б. Клейнер приходит к выводу, что на современном этапе «...основным стратегическим требованием к экономике должно стать требование гармоничности: *«экономика должна быть гармоничной!»*» [12, с. 40]. А «для количественной и качественной характеристики степени гармоничности экономической системы целесообразно ввести специальный класс характеристик — так называемые вариативные характеристики экономики, отражающие степень однородности экономического пространства и времени» [12, с. 45]. К сожалению, эти вариативные характеристики так и не представлены в тексте.

Оставим без рассмотрения следующий подпараграф — «Элементы теории систем»² и остановимся на подпараграфе «Системное мезоэкономическое регулирование», в котором сформулированы рекомендации по формированию экономической политики в мезоэкономической сфере:

1. Организация мониторинга и анализа динамики вариативных характеристик национальной экономики.
2. Создание федеральных и отраслевых органов, ответственных за регулирование развития «системных отраслей» и эквивалентность обмена между ними, поддержание паритета «мощности» экономических систем разных типов.
3. Разработка законопроектов и других нормативных актов, направленных на легитимизацию создания, функционирования, взаимодействия и трансформации экономических систем всех четырех типов³.
4. Поддержание, в частности, равновесия между потоком инноваций и запасом рутин.

¹ Есть мнение, имеющее немало сторонников, что наряду с этими двумя существует еще и гибридный механизм — сети. Кстати, в параграфе 7.3 «Сетевые мезоэкономические системы. Взаимодействия предприятий, банков, местных администраций» сети рассматриваются именно как гибридный механизм координации.

² В содержательном плане этот параграф — краткое изложение хорошо известных публикаций Г.Б. Клейнера за 2002–2010 гг.

³ Четыре типа систем — это объектные, проектные, средовые и процессные системы.

Аналогичные мероприятия должны быть выполнены не только на уровне национальной мезоэкономики, но и на других уровнях, в том числе на уровне мировой экономики [12, с. 45]. Что тут можно сказать: рекомендации как рекомендации, правда, при чем тут мезоэкономическая сфера? И еще: кто и как будет эти рекомендации претворять в жизнь, если то будет признано необходимым, особенно на «уровне мировой экономики»?

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ И МЕЖОТРАСЛЕВЫХ МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Перейдем к главе «Развитие отраслевых и многоотраслевых мезоэкономических систем», в которой последовательно рассматриваются состояния и возможные направления развития нефтехимического комплекса, рынка попутного нефтяного газа, алмазно-бриллиантовой отрасли и ЖКХ РФ.

У автора этих заметок нет никаких сомнений, что поименованные выше комплексы, отраслевые рынки, отрасли и ЖКХ рассмотрены на профессиональном уровне. Заинтересованный читатель может найти здесь и обильный фактический материал, и выводы относительно проблем, стоящих перед перечисленными выше экономическими структурами, а также и авторское видение решения проблем. Если чего читатель не найдет, так это «теории мезоэкономики»¹. Хотя справедливости ради отметим, что в подпараграфе «Сырьевая база и проблемы золотодобычи в России» можно обнаружить мнение Р.М. Качалова, О.В. Пелевина и Н.И. Горбачевой: «Отрасль драгоценных металлов можно рассматривать как иллюстрацию негативного мезоэкономического результата, когда важная для экономики отрасль была раздроблена, в отличие, например, от газодобывающей отрасли, сохранившей единую структуру управления и хозяйствования. ...При этом в соответствии с представлениями мезоэкономики мелкие и средние предприятия не имеют достаточных финансовых средств для реализации крупных инвестиционных проектов, связанных с освоением новых, главным образом, коренных месторождений» [12, с. 219].

В свою очередь Э.А. Ерзинкян, анализируя состояние дел в ЖКХ, посчитал возможным использовать термин «ЖКХ» «в мезоэкономическом контексте». Суть мезоэкономического контекста состоит в том, что под ЖКХ автор понимает «совокупность жилищного фонда, коммунальной инфраструкту-

¹ Показательно, что О.Б. Брагинский, один из авторов этой главы, в статье, опубликованной в 2012 г. [2] и посвященной методологии и практике разработки программ развития нефтехимического комплекса, легко обходится даже без упоминания о мезоэкономике. Кстати, в Программе Второго экономического конгресса нет ни одного доклада, в названии которого присутствовала бы мезоэкономика. Возможно, это и не аргумент, но все-таки факт показательный.

ры, организаций, предоставляющих коммунальные услуги вне зависимости от формы их организации, — коммерческие фирмы, холдинги, вертикальные и горизонтальные комплексы, муниципальные и федеральные государственные унитарные предприятия. Такая трактовка отличается от общепринятой, согласно которой ЖКХ понимается как набор услуг...» [12, с. 251–252].

Глава 3 «Мезоэкономические особенности развивающейся экономики России», по мнению Г.Б. Клейнера, «носит в значительной мере методологический характер, конкретизирующий положения главы 1» [12, с.11]. Наверное, так оно и есть. Нам же удалось обнаружить описание состояния малого и среднего бизнеса в России, анализ российского рынка слияний и поглощений. Некоторые результаты анализа, несомненно, представляют определенный интерес. В частности, вывод, согласно которому «...российский рынок является незрелым и отстает от стран, имеющих сопоставимый валовой продукт... Еще большее отставание российского рынка от развитых стран наблюдается по качественным показателям, о чем свидетельствует высокая доля на нем корпоративных войн и враждебных поглощений (12–15%)» [12, с. 276].

Небезынтересен и анализ тенденций организационной эволюции российских корпораций, в результате которого Д.А. Жданов приходит к следующему «итоговому замечанию»: «Правильные управленческие процессы одинаковы везде, и неважно, где ты находишься — в России, Австралии или Америке. Хотя российские рыночные реалии, в том числе существенные транзакционные издержки, конечно, привносят свои особенности в построение корпораций, в частности, способствуют увеличению их размеров» [12, с. 324].

В главе 4 «Естественные монополии как мезоэкономические системы», пожалуй, наибольший интерес представляет первый параграф, в котором В.Н. Лившиц, Н.И. Белоусова и Е.М. Васильева представляют естественные монополии как объект государственного регулирования. Их исходная посылка: «Реформы в сфере естественных монополий не следует ограничивать лишь структурными преобразованиями в организации и управлении соответствующими отраслями; они должны быть направлены на создание условий и механизмов поддержания потенциала отраслей естественной монополии, развитие ее как объектов мезоэкономического анализа и регулирования на новой технической и технологической основе» [12, с. 366]¹.

В связи с этим авторы предлагают подход к исследованию естественных монополий, который, по их мнению, должен учитывать следующие аспекты рассмотрения. Во-первых, «учет многопродуктивности, т. е. различных направлений, видов деятельности естественно-монопольных отраслей

¹ Все хорошо, но что бы это значило: развитие отраслей естественных монополий как объектов мезоэкономического анализа?

и корпораций» [12, с. 370]. Во-вторых, «поиск и выделение ...естественно-монопольного ядра – носителя существенных свойств отраслевой структуры рассматриваемого типа» [12, с. 371].

А так как «представление о естественной монополии как отраслевой структуре, в которой более эффективна деятельность одной фирмы, а не нескольких, обычно связывается с экономией от масштаба, снижением средних издержек» [12, с. 371], представляется авторам этой главы слишком упрощенным, то в качестве альтернативы они предлагают свой подход к регулированию естественных монополий.

Суть предложений сводится к одновременному учету как нормативного, так и поведенческого аспектов, что, в свою очередь, предоставляет возможности решения «как в теории, так и на практике – следующих ключевых проблем. Первая – выделение сферы естественной монополии в рассматриваемой отрасли, идентификация естественной монополии (...). Вторая – определение для выделенного естественно-монополистического сегмента отраслевого рынка (...) мер по регулированию (дерегулированию), направленных на обеспечение эффективной деятельности в социально желаемых целях; обоснование инструментов и механизмов государственного регулирования деятельности естественных монополий» [12, с. 373].

Глава 5 «Мезоэкономика инновационного развития»¹ посвящена описанию и анализу институтов и механизмов создания, распространения и использования инноваций. Особое внимание было уделено созданию национальной инновационной системы, под которой понимается «совокупность национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействий, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению, распространению и эффективному использованию знаний и технологий» [12, с. 399].

Характеризуя состояние инновационной деятельности в РФ, О.Г. Голиченко отмечает, что имеет место парадокс в этой сфере. «С одной стороны, российские относительные масштабы производства новой для рынка продукции и масштабы чистой диффузии типичны для промышленно развитых стран Европы. С другой стороны, ...во многих случаях российскую инновационную продукцию, новую для рынка, нельзя считать новой для внешнего рынка. Этот парадокс объясняется нацеленностью российских предпринимателей на внутренний рынок. Последнее можно объяснить как их ориентацией на достаточно низкую требовательность отечественного потребителя к качеству производимого продукта, так и значительной емкостью внутреннего рынка» [12, с. 406]. А в качестве причины столь парадоксального по-

¹ Во введении на странице 11 эта глава имеет другое название: «Механизм инновационного развития», что, как представляется автору, более соответствует ее содержанию.

ложения дел в инновационной сфере, по мнению О.Г. Голиченко, является «взаимосвязанное действие следующих факторов:

- дисбаланса антистимулов и стимулов к инновационной деятельности;
- парадигмы инновационной деятельности, принятой российскими предприятиями;
- недостаточной обеспеченности и доступности необходимых входов в инновационный процесс» [12, с. 406].

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МЕЗОЭКОНОМИКА

Прежде всего отметим, что авторы главы 6 «Региональные мезоэкономические системы» сконцентрировали свое внимание на следующих вопросах: 1) моделирование сбалансированного развития регионов России, 2) методологические аспекты исследования институциональной среды регионов, 3) стратегическое управление экономикой на региональном уровне и 4) конкурентная среда.

Не будучи специалистом в области математического моделирования, автор посчитал возможным ограничиться рассмотрением исходных посылок. Первая из них давно и хорошо известна – национальная экономика может быть представлена как иерархически организованная система регионов различного размера. Далее Т.С. Онучак дает определение региона: «Под регионом понимается крупная территория страны с относительно однородными природными условиями, сложившейся материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой. Каждый регион специализируется в общероссийском разделении труда, что отражается характерной направленностью развития в нем отраслей производства» [12, с. 552]. Все понятно. Правда, следующая фраза ставит в тупик: «Региональная экономика (мезоэкономика) изучает проблемы пространственной дифференциации социально-экономического развития и взаимодействие территорий в условиях неравномерности распределения и ограниченности ресурсов» [12, с. 552]. Оказывается, все, что говорилось о мезоэкономике, неправда, ибо она есть региональная экономика. Посчитаем это досадной опiskeй и пойдем дальше. Однако затем выясняется, что регион – это еще и субъект РФ, а расчеты будут выполнены в разрезе федеральных округов.

Здесь придется остановиться. Если опираться на определение региона, данное Т.С. Онучак, то большинство субъектов РФ, а тем более федеральных округов, никак не подпадают под понятие «регион», даже с учетом того, что критерии выделения регионов, содержащиеся в этом определении, не отличаются четкостью. Действительно, о какой даже относительной однородности природных условий можно говорить в отношении Дальневосточного или

Сибирского федерального округа, а ведь есть еще Уральский округ. Но не отличаются однородностью природных условий и субъекты РФ, особенно те, которые расположены в Азиатской России.

Впрочем, дело не только в природных условиях. Если обратиться к рассмотрению экономик отдельных субъектов РФ, то очень быстро выясним, что по своим масштабам они несоизмеримы: ЕАО, Ингушетия, Адыгея, Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область или Красноярский край. И тут невольно приходит простая мысль: если столь разномасштабны экономики отдельных регионов — субъектов РФ, то вряд ли их корректно использовать в качестве исходных единиц при анализе дифференциации экономического пространства. И почему бы в этой связи не вспомнить, что есть такие традиционные инструменты, как экономическое районирование и экономическое зонирование. А если при этом еще и учесть тот хорошо известный факт, что экономики отдельных регионов находятся на различных этапах эволюции, то и результаты расчетов могли бы быть более содержательными, чем те, что приведены в параграфе 6.1.

Что же касается методологических аспектов исследования институциональной среды регионов, то в отличие от многих предшествующих глав здесь активно используется мезоэкономическая терминология. Вводятся новые понятия, такие как «институциональная мезоэкономическая среда», под которой Е.А. Панфилова понимает «совокупность социально-экономических формальных и неформальных норм, регулирующих деятельность экономических субъектов, характеризует инфраструктурный механизм функционирования процессов воспроизводства региональных систем и влияет на уровень трансакционных издержек взаимодействия экономических субъектов» [12, с. 568].

Имеет место также развитие «мезоэкономического подхода». В частности, Е.А. Панфиловой предпринята попытка детализации так называемой «формулы Клейнера» (это словосочетание было введено Т.Р. Гареевым [4]), которая состоит из двух частей: 1) фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов и 2) мезоэкономика — естественное поле формирования и действия экономических институтов» [8, с. 16].

Предложения Е.А. Панфиловой имеют отношение ко второй части «формулы Клейнера». Прежде всего, «мезоэкономический «этаж» национальной экономики является уже не только субподчиненным по отношению к макро- или микроуровням, но и выступает как самостоятельная институциональная площадка стратегического *согласия* и межуровневого *согласования* экономических интересов хозяйствующих субъектов для координации инновационного развития национальной экономики» [12, с. 568–569].

Далее идет изложение четырех групп «методологических принципов определения количественной и качественной определенности экономических отношений в целом и институциональной среды в частности с целью выявить особенности количественно-качественного подхода и его инструментов» [12, с. 570–571]. В качестве одного из результатов применения «методологических принципов», по мнению Е.А. Панфиловой, является вывод о том, что «важнейшая особенность функционирования мезоэкономической среды хозяйствования в региональном разрезе – ее неоднородность и несоответствие территориальных границ по различным интеграционным «линиям сборки» регионального экономического пространства, включая:

- *территориально-административную линию* (ФО, республики, области, края, районы, муниципалитеты);
- *ресурсную* (природные, материальные, финансовые, трудовые, информационные ресурсы);
- *конкурентно-рыночную* (рынки товаров, услуг, земли, рабочей силы, капитала);
- отраслевую и бизнес-корпоративную (деятельность вертикально интегрированных бизнес-структур и отраслевых ассоциаций);
- *трансграничную* (значительная протяженность российских границ – наличие множества трансграничных регионов в РФ);
- *социально-культурную* (социализация ценностей индивидов, ожиданий, идентичности) и т. д.» [12, с. 574–575].

Иначе говоря, имеет место констатация факта: границы экономических регионов не совпадают с границами регионов, выделяемых по другим основаниям: политическим, природным, в том числе природно-ресурсным, а также социокультурным. И с этим трудно спорить.

Преодоление обозначенного выше «пространственно-временного разрыва» Е.А. Панфилова связывает с построением «полномасштабной системы стратегического планирования». И здесь, образно говоря, «эстафетную палочку» принимает В.А. Агафонов, автор параграфа «Основные цели и задачи стратегического управления на региональном уровне». Но, оказывается, и здесь не все просто, ибо «процессы подготовки региональных стратегий и формирования регионального разреза стратегии долгосрочного развития страны испытывают определенные методологические и методические трудности, которые проявляются в определенных недостатках, свойственных подготовленным региональным и федеральным стратегическим документам» [12, с. 581].

Рассмотрим более подробно, что это за трудности. Во-первых, «стратегии разрабатывались в различных форматах, проработаны с различной степенью детальности и поэтому различаются содержанием и составом

информации». Но вряд ли следовало ожидать иного, ибо каждый регион¹ уникален и по ресурсам, и по структуре экономики, а также по характеру взаимоотношений с социальным и природным контекстом. Более того, возникает вполне резонный вопрос: а всем ли регионам нужна экономическая стратегия?

Во-вторых, «в ряде случаев в стратегиях не вполне отражены взаимодействия региональных и федеральных органов исполнительной власти». Наверное, правильнее сказать: как правило, не описан механизм взаимодействия органов власти различных уровней. Но и это не все, так как из региональных стратегий (не всех, конечно, но многих) выпадает рассмотрение процессов согласования целей всех участников стратегического процесса, а это, помимо органов власти управления и самоуправления, еще и бизнес, и местное сообщество.

В-третьих, «активность деятельности федеральных органов исполнительной власти распределена по территории страны весьма неравномерно, причем основной недостаток в федеральных ресурсах испытывают как раз «проблемные» регионы».

Все хорошо, кроме одного: что есть «проблемные регионы»? И есть ли вообще регионы без проблем?

В-четвертых, «региональные стратегии носят излишне декларативный характер». И это на самом деле – неоспоримый факт, однако почему это имеет место? Это связано с непрофессионализмом разработчиков региональных стратегий или с тем, что ныне разрабатываемые стратегии на самом деле таковыми не являются?

В-пятых, «в стратегиях часто отсутствует программа действия администрации по реализации принятой стратегии». Если имеешь дело не со стратегиями, то вполне объяснимо отсутствие программ действия.

В-шестых, «ряд ожиданий населения часто не подтверждаются содержанием соответствующих разделов стратегии или недостаточно обоснованы» [12, с. 582–583].

Итак, если кратко, существующая практика разработки региональных экономических стратегий как минимум малоэффективна. И опять-таки с этим трудно не согласиться. К сожалению, не совсем понятно: перечисленные выше недостатки – это болезни роста или же органические пороки экономических институтов.

Однако вернемся к той части текста, где В.А. Агафонов переходит к обоснованию системы регионального стратегического управления, где находим «принципы и общие направления стратегического управления»:

¹ Напомним читателю, что в принятой авторами терминологии регион – федеральный округ, субъект Федерации, муниципальное образование.

1. Селективная поддержка субъектов РФ и муниципальных образований:

- отказ от политики «выравнивания» регионов и переход к политике поддержки «сильных» регионов ...при соблюдении определенных стандартов качества жизни для «слабых» регионов;

- снижение дифференциации регионов достигается на основе экономического развития всех регионов с опорой на собственные силы.

Здесь невольно напрашивается вопрос: если отказаться от политики выравнивания и перейти к политике поддержки «сильных» регионов, то как удастся снизить уровень дифференциации регионов?

2. Обеспечение геостратегических интересов страны в развитии регионов. Поддержка территорий особого геополитического значения...

3. Обеспечение реализации наиболее сильными и конкурентоспособными («опорными») регионами роли локомотивов для развития соседних регионов (субъектов РФ).

4. Обеспечение конкурентоспособности отдельных территорий в системе глобального экономического пространства.

5. Обеспечение приоритета интересов Федерации по отношению к интересам отдельных регионов.

6. Обеспечение сохранения экономического контроля государства над стратегическими и структурообразующими объектами и природными ресурсами.

7. Содействие развитию интеграционных и социально-экономических процессов на территории страны...

8. Создание условий для возникновения государственно значимых «точек роста» [12, с. 598].

Далее следуют задачи, среди которых на первом месте стоит задача выравнивания. И так как модель догоняющего роста признается неприемлемой, то вполне ожидаемо автор приходит к заключению, что «для «отстающих» регионов... приемлема только стратегия «опережающего» или «инновационного» прорыва. При этом критерий инновативности будет заключаться в создании конкурентных преимуществ на внутреннем рынке. Только в этом случае можно сократить дифференциацию в уровне развития регионов» [12, с. 600]. Но чтобы обеспечить стратегию «инновационного прорыва» в «отстающих» регионах, необходимо создать соответствующий научно-технический потенциал и к тому же сформировать институциональные условия, без чего эффективное использование регионального научно-технического потенциала просто невозможно.

Вторая задача заключается в выстраивании механизмов координации органов исполнительной власти всех уровней по решению «приоритетных национальных задач социального и экономического развития, перечисленных выше» [12, с. 601].

При этом В.А. Агафонов считает, что «интеграция региональных стратегий в региональный раздел стратегии социально-экономического развития страны или в региональную стратегию социально-экономического развития страны является логическим продолжением процедуры согласования региональных и федеральных интересов. Основу процесса интеграции составляет *обобщение наиболее массовых проблем социально-экономического развития регионов и действий региональных администраций, обеспечивающих решение этих проблем*» [12, с. 606–607].

Хотя этот тезис получил широкое распространение в отечественной литературе, посвященной региональному стратегическому управлению, по мнению автора этих заметок, все не так однозначно. Для начала зафиксируем, что в неявном виде и В.А. Агафонов, и большая часть исследователей, как и представителей экспертного сообщества, исходят из посылки, согласно которой экономическое пространство России есть сумма экономических пространств федеральных округов те, в свою очередь, — субъектов РФ, а последние — муниципальных образований. Иначе говоря, в основу декомпозиции экономического пространства положен политический (административно-территориальный), т. е. неэкономический принцип.

Такая логика имеет право на существование, более того, она, скорее всего, является единственно возможной в рамках советской модели экономики, в которой имела место реализация принципа единства экономического районирования и административно-территориального деления. Но вряд ли она является единственно возможной¹.

Однако, как бы ни был интересен сам по себе этот сюжет, возвращаемся к тексту монографии и рассмотрим выводы, сформулированные В.А. Агафоновым относительно того, что есть стратегическое управление на региональном уровне. Итак, по порядку: «Основное содержание стратегии регионального развития представляет собой проекцию общенациональной стратегии социально-экономического развития на конкретные территории» [1, с. 613]. Есть ощущение, что такой подход несколько упрощает содержание и регионального развития, и региональных стратегий. Ибо в этом случае нет необходимости в выявлении региональных экономических интересов, хотя несколькими страницами ранее таковые не просто упоминались, но даже имела место типология регионов в зависимости от характера этих интересов.

Что же касается главной задачи — «разработки стратегии социально-экономического развития в региональном аспекте», то она сводится, по мнению В.А. Агафопова, «к нахождению оптимального баланса между необходимо-

¹ Точка зрения, согласно которой декомпозиция экономического пространства в рамках регионального стратегирования может быть осуществлена с использованием инструментария экономического зонирования и экономического районирования, изложена в [6].

стью уменьшения межрегиональной дифференциации и обеспечения процессов интеграции социально-экономического пространства, с одной стороны, и концентрации ресурсов на ключевых направлениях развития в целях обеспечения высоких темпов экономического роста – с другой» [12, с. 613]. Все бы хорошо, вот только хотелось бы понять, что есть «социально-экономическое пространство». Что такое экономическое пространство – более или менее понятно, что такое социальное – тоже, что такое «социально-экономическое пространство» – не очень¹. И дело в том, что термин «социально-экономическое пространство» стал широко употребляемым, но от этого не стал более определенным.

Следующая формулировка: «С точки зрения формирования национальной стратегии регионального развития основное требование, предъявляемое к отдельным стратегическим разработкам, заключается в их сопоставимости...» [12, с. 613]. Это крайне важное требование, которое в настоящее время практически не выполняется, что сказывается и на эффективности регулятивного воздействия на пространственную организацию экономики. Очевидно, следует признать обоснованным и то, что сопоставимость региональных экономических стратегий в немалой степени зависит от выбора того или иного методологического подхода (или методологической платформы). Менее очевидно, что может быть выбран какой-то один методологический подход². Здесь следует вспомнить, что экономическое пространство России крайне неоднородно, что экономические регионы находятся на различных стадиях развития, что им присущи не только различные интересы, но и конкурентные преимущества и пр., и пр. В этих условиях, скорее, следует говорить о множественности методологических подходов, чем о поиске некой универсальной методологии.

А вот то, что система стратегического управления содержит два качественно различных блока: блок разработки и блок реализации стратегии, – это совершенно обоснованное требование, которым часто пренебрегают. От себя добавим: эти два блока требуют двух качественно различных организационных структур.

И, наконец, результирующий вывод: «Перечисленные выше аспекты содержания стратегии регионального развития заставляют говорить о необходимости формирования систем стратегического планирования на уровне субъектов Федерации» [12, с. 613].

¹ Здесь не очень уместно дискутировать о природе экономического пространства. Поэтому автор посчитал возможным лишь перечислить знаковые имена: И.Г. фон Тюнен, А. Лёш, Ф. Перру, У. Айзард, П. Бурдьё, а из отечественных исследователей – И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман. Естественно, перечень далеко не полный.

² Кстати, попытка выработки такой единой методологии содержится в целом ряде нормативно-правовых актов [17].

Последний параграф главы 6 – «Конкурентная среда как социально-экономический интегратор» – начинается с утверждения: «Важнейшие социально-экономические функции конкурентной мезоэкономической среды связаны с обеспечением социальной целостности и стабильности, оптимизации производства и распределения ресурсов в обществе, а также интеграции социально-экономического пространства» [12, с. 614]. Для России, по мнению В.В. Качалина, автора параграфа, конкуренция выступает как интегратор не только национального экономического пространства, но и «может служить базой для формирования единого экономического пространства и с другими странами – бывшими республиками СССР» [12, с. 616].

В зависимости от того, что выступает в качестве наиболее значимых факторов интеграции экономического пространства, В.В. Качалин выделяет два типа интеграции экономического пространства, которые он обозначает как монолитный и стержневой.

Первый – «объединение экономического пространства на основе его однородности, единства конкурентного поля, т. е. обеспечения свободного перемещения в его рамках товаров и услуг, отсутствия ограничивающих данный процесс барьеров... а также невозможности влияния конкретного хозяйствующего субъекта или их группы на цены и иные условия обращения товаров и услуг в рамках данного экономического пространства». Второй «предполагает наличие в данном экономическом пространстве одного или небольшого числа хозяйствующих субъектов, деятельность которых распространяется на все данное экономическое пространство» [12, с. 617].

А затем В.В. Качалин делает крайне важный вывод: «По мере расширения масштаба интегрируемого экономического пространства (национальный, наднациональный, глобальный рынки) монолитный тип интеграции все более преобладает над стержневым». Может быть и так, но очень хотелось бы увидеть аргументы.

«Масштаб стержневых структур (прежде всего, вертикально интегрированных) постепенно снижается по сравнению с масштабом рынка, и сами эти структуры из «стержней» превращаются в элементы монолитной структуры». Может быть, это и так, но каковы причины?

«Если рассматривать процесс глобализации как интеграцию экономического пространства на глобальном уровне, то такая интеграция может быть только монолитного типа. Элементы же стержневой интеграции могут возникать на более низких уровнях» [12, с. 617]. Интересно, как быть с ТНК? Неужели они перестали быть игроками на глобальных рынках?

Последний сюжет, который рассмотрим в заметках на полях, – «Сетевые мезоэкономические системы. Взаимодействие предприятий, банков, местных администраций», именно так называется один из параграфов гла-

вы 7 «Теория вертикальных взаимодействий. Интеграционные процессы в мезоэкономических системах», авторами которого являются Н.Е. Егорова, Б.А. Ерзнкян и Е.В. Акинфеева.

Позиция перечисленных выше авторов относительно новизны сетевых систем отличается от позиции большинства отечественных авторов и заключается в том, что такого рода структуры появились не вчера и даже не позавчера — они имеют длительную историю. Другое дело, что сетевые структуры за последние десятилетия становятся все более и более распространенными, что «во многом является реакцией на недостатки — по большому счету относительные — рыночной и иерархической формы координации» [12, с. 617]. Иначе говоря, сетевые системы представляют собой гибридные формы координации экономической деятельности. Таковы теоретические посылки авторов, на которые они опираются в дальнейшем, исследуя процессы формирования и развития кластеров в РФ.

И здесь начинается самое интересное: при отсутствии анализа условий формирования кластеров Н.Е. Егорова, Б.А. Ерзнкян и Е.В. Акинфеева декларируют нижеследующее: «Кластерный подход на сегодняшний день служит инструментом для стимулирования регионального развития, улучшения торгового баланса региона, увеличения занятости, роста заработной платы и отчислений в бюджеты различных уровней, повышения устойчивости и конкурентоспособности региональной промышленности» [12, с. 687].

Если даже принять позицию авторов относительно природы кластера, а их позиция очень отличается от получивших известность к настоящему времени кластерных теорий, то не совсем понятно, каким образом им удалось выделить на территории РФ 72 сформировавшихся и 74 формирующихся кластера [12, с. 696]. Не совсем понятно также и то, как географическое положение или административно-территориальное устройство региона становятся общими принципами формирования кластеров [12, с. 694]. Поэтому крайне сложно согласиться с выводом, к которому пришли авторы параграфа: «Сопоставление количества региональных кластеров и уровня развития регионов России не демонстрирует положительной связи, более того — эта связь отрицательная» [12, с. 698].

А вот с чем следует согласиться в полной мере, имея в виду перспективы развития сетевых структур, так это с тем, что в России «за рапортами о формировании таких сетевых структур, как кластеры, или о необходимости их формирования, может скрываться стремление получить «бюрократическую» ренту — реальные или предполагаемые выгоды от кампании по кластеризации» [12, с. 698].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Действительно, «тема мезоэкономики поистине безгранична» [12, с. 777], если иметь в виду рынки, отраслевые и региональные экономические территориальные структуры. И если это так, то было бы неплохо увидеть, как «...«под знамена» мезоэкономики встанет значимая и дееспособная часть научного и экспертного сообщества, а вслед за ней – и наиболее восприимчивые и уравновешенные политики, в чей кругозор кроме заоблачных вершин на дальнем горизонте будущего и близких интересов собственного благополучия органично войдет цветущее поле мезоэкономики, где, собственно говоря, и развиваются процессы экономического роста, технологической модернизации и социального прогресса» [12, с. 777]. Действительно, чего еще и желать?!

Если же речь идет о мезоэкономике как теоретической конструкции, то, судя по содержанию и «Мезоэкономики переходного развития», и «Мезоэкономики развития», говорить о том, что таковая имеет место быть, было бы преувеличением.

Скорее всего, следует признать, что, несмотря на использование широкого спектра эконометрических моделей и вовлечение в оборот различных гетеродоксальных теорий (институциональных в первую очередь), всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы поставить мезоэкономике в один ряд с микро- и макроэкономикой.

И тем не менее монография «Мезоэкономика развития» – эта та книга, которую можно рекомендовать широкому кругу лиц, изучающих различные аспекты российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беккер Г.С.* Экономический анализ и человеческое поведение // TESIS. 1993. Вып. 1. С. 24–40.
2. *Брагинский О.Б.* Методология и практика разработки программы развития многоотраслевого комплекса (на примере нефтехимического комплекса) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4. С. 127–147.
3. *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
4. *Гареев Т.Р.* Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 2. С. 27–37.
5. *Дементьев В.* Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // Российский экономический журнал. 2002. № 4. С. 71–82.
6. *Демьяненко А.Н.* Организация регионального экономического пространства // Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 503–518.

7. *Клейнер Г.* Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия (введение и заключение к коллективной монографии ученых ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2002. №11–12. С. 63–68.
8. *Клейнер Г.Б.* Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2002. № 2. С. 11–18.
9. *Марков Л.С.* и др. Институциональные особенности, модели кластеризации и развитие инновационных мезоэкономических систем // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 3–18.
10. *Марков Л.С., Ягольницер М.А.* Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: экономика и социология. 2008. № 1. С. 18–44.
11. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия. М.: Наука, 2001. 516 с.
12. Мезоэкономика развития / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011. 805 с.
13. *Мильнер Б.З.* Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 2. С. 151–153.
14. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
15. *Сойер М.* Посткейнсианская макроэкономика // Панорама экономической мысли в конце XX века. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 219–247.
16. *Солоу Р.М.* Теории роста // Международная панорама экономической мысли конца XX столетия. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 479–506.
17. Типовой макет программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации. Приложение 2 к Приказу Минэкономразвития от 17 июня 2002 г. № 170. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/13051> (дата обращения: 01.2013).
18. *Хауитт П.* Макроэкономика: отношения с микроэкономикой // Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 485–492.
19. *Шеховцева Л.С.* Регион как субъект развития // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 3. Серия экономические и юридические науки. 2008. С. 32–38.
20. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI+496 с.

MESOECONOMICS... IS NOW ABOUT DEVELOPMENT
(Notes on the Margins of the Book «Mesoeconomics of Development»)

Demyanenko A.N.

Demyanenko Alexander Nikolaevich – Doctor of Geography, Professor, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

REFERENCES

1. Becker G.S. Economic Analysis and Human Behavior. *THESIS*, 1993, vol. 1, pp. 24–40. (In Russian).
2. Braginskiy O. Methodology and Practice of Working out Multyindustry Complex Pro-

- gram (an Example of Petrochemical Complex). *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2012, no. 4, pp. 127–147. (In Russian).
3. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*, 2010, no. 4, pp. 6–31. (In Russian).
 4. Gareev T.R. Regional Institutionalism: Terra Incognita or Terra Ficta? *Zhurnal institutionalnikov issledovaniy – Journal of Institutional Studies*, 2010, no. 2, pp. 27–37. (In Russian).
 5. Dementev V. The Theory of the National Economy and Meso-economy Theory. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2002, no. 4, pp. 71–82. (In Russian).
 6. Demyanenko A.N. Establishment of Regional Economic Space. *The Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Khabarovsk: FEB RAS, 2010, pp. 503–518. (In Russian).
 7. Kleiner G.B. Meso-economy of Transition Period: Markets, Industries, and Enterprises (introduction and conclusion of the collective monograph scientists CEMI RAS). *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2002, no. 11–12, pp. 63–68. (In Russian).
 8. Kleiner G.B. The Meso-economic Problems of the Russian Economy. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of the Rostov State University], 2002, no. 2, pp. 11–18. (In Russian).
 9. Markov L.S. Innovation Mesa-Economic Systems: Institutional Specifics, Cluster Models, and Development. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2009, no. 3, no. 3–18. (In Russian).
 10. Markov L.S., Yagolnitsa M.A. Mesa-Economic Systems: Problems of Typology. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2008, no. 1, pp. 18–44. (In Russian).
 11. *Meso-economy of Transition Period: Markets, Industry, Enterprise*. Moscow, 2001, 516 p. (In Russian).
 12. *Meso-economy of Development*. Edited by G.B. Kleiner. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute RAS, 2011, 805 p. (In Russian).
 13. Milner B.Z. Meso-economy of Transition Period: Markets, Industry, Enterprise. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2002, no. 2, pp. 151–153. (In Russian).
 14. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*, 2007, no. 2, pp. 77–93. (In Russian).
 15. Sawyer M. Post Keynesian Macroeconomics. *Panorama of Economic Thought in the Late of Twentieth Century*. Saint-Petersburg, 2002, vol. I, pp. 219–247. (In Russian).
 16. Solow R.M. Growth theory. *International Panorama of Economic Thought in the Late of Twentieth Century*. Saint-Petersburg, 2002, vol. I, pp. 479–506. (In Russian).
 17. *A Typical Layout of the Program of Economic and Social Development of the Russian Federation*. Annex 2 to Order of the Ministry of Economic Development of June 17, 2002. № 170. Available at: <http://www.zakonprost.ru/content/base/13051> (accessed January 2013). (In Russian).
 18. Howitt P. Macroeconomics: Relations with Microeconomics. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Moscow, 2004, pp. 485–492. (In Russian).
 19. Shekhovtseva L.S. The Region as a Subject of Development. *Vestnik RGU im. I. Kanta* [Vestnik of the Russian State University of a name I. Kant], 2008, vol. 3, Series of Economic and Legal Science, pp. 32–38. (In Russian).
 20. Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. St. Petersburg, 2004, vol. 1, 496 p. (In Russian).